

Семнадцатый год правления Цяньлуна, седьмой месяц, Дворец Куннингун.

В безмолвном, погруженном в прохладную тишину дворце поверженная императрица Уланара лежала на постели, бледная и обессиленная. Она отослала всех придворных дев и евнухов, оставив подле себя лишь одну няньку Жун.

— Всё подходит к концу, — тихо прошептала императрица, словно бредя во сне. Оглядываясь на свою долгую — не такую уж и короткую — жизнь, она находила ее одновременно нелепой и жалостной.

В юности, едва повстречав Императора, она отдала ему всем сердцем преданную любовь и уже в четырнадцать лет вошла в его резиденцию в качестве боковой фуцзинь. Позже, когда покойная Императрица Сяосянь скончалась, Вдовствующая Императрица вознесла ее на пустующее место главной жены. Те годы можно было назвать счастливыми — они действительно жили с Императором душа в душу.

С какого же момента их сердца отдалились друг от друга? Наверное, тогда, когда во дворце появилась Сяо Яньцзы. Одержимая правилами и порядками, она то и дело чинила препятствия Сяо Яньцзы и Цзывэй, не останавливаясь даже перед тем, чтобы отправить людей в погоню за ними. Когда всё вскрылось, императрица никак не ожидала, что именно Цзывэй падет на колени перед Императором, умоляя сохранить ей жизнь.

В последующие годы Цзывэй то и дело навещала ее во дворце, неизменно принося с собой письма, которые присылала Сяо Яньцзы. Императрица бережно, словно величайшую драгоценность, прятала их под изголовье.

Матушка-Императрица, могу ли я называть Вас так? Цзывэй рассказала мне абсолютно всё. Сяо Яньцзы простила Вас. Цзывэй говорит, что признала в Вас матушку, а раз так, то Вы — матушка и для Сяо Яньцзы. Раньше я не заботилась о правилах и перевернула весь императорский дворец вверх дном, но теперь, когда Сяо Яньцзы ушла, Вам больше незачем гневаться...

Матушка-Императрица, Юнци вернулся! Я наконец-то дождалась его, и он привез мне свадебное покрывало, которое Вы для меня вышили. Оно такое красивое, Сяо Яньцзы оно безумно нравится...

Матушка-Императрица, мы с Юнци справляем свадьбу, Вы ведь тоже рады за меня, правда? А еще Цзывэй говорит, что в последнее время Вы хвораете, умоляю, берегите себя...

Матушка-Императрица, мой старший брат говорит, что я ношу под сердцем ребенка! Ха-ха-ха, я, воительница Сяо Яньцзы, стану матерью! Юнци говорит, что будет обучать его боевым искусствам и передаст ему все мои навыки, чтобы он вырос самым главным маленьким героем во всем Дали.

Матушка-Императрица, моего ребенка больше нет... Неужели он не хотел, чтобы я была его матерью? Матушка-Императрица, как же болит сердце у Сяо Яньцзы...

Матушка-Императрица, Юнци изменился... Говорит, что должен вернуться во дворец, что виноват перед Синьжун и Благородной консортом Юй. Мянни скучает по отцу, так что же делать мне...

Матушка-Императрица, мы с Юнци расстались. Это последнее письмо, которое Сяо Яньцзы пишет Вам. Матушка-Императрица, берегите себя.

Снова и снова императрица перечитывала письма Сяо Яньцзы. Пожелтевшие страницы давно потрепались по краям — она уже и не помнила, сколько раз открывала их. Императрица закрыла глаза, и перед ее внутренним взором встал живой, звонкий образ Сяо Яньцзы. В памяти всплыли и недавние дворцовые слухи: Пятый принц неизвестно почему внезапно вернулся в столицу, а Император вместе с беременной принцессой Цзывэй следом за ним отправился в Дали...

В груди императрицы внезапно кольнуло, к горлу подступил соленый привкус крови, и изо рта хлынула алая струя. Ярко-красные брызги обагрили холодный, твердый пол, напоминая распутившийся цветок крови.

— Ваше Величество, держитесь! Рабыня сейчас же позовет императорского лекаря! — в отчаянии закричала нянька Жун, глаза ее застилали слезы, а в голосе явственно слышались всхлипывания и плач. Забыв обо всем, она метнулась к выходу, словно каждая секунда промедления смерти была подобна.

— Вернись! Нянька Жун, медленно возвращайся к моему ложу! — императрица изо всех сил попыталась приподняться, но слабость в теле позволила лишь кое-как опереться на один локоть. Сейчас, когда Император находился в отъезде, а Вдовствующая Императрица уехала на гору Утайшань отправлять религиозные обряды, власть в Запретном городе целиком и полностью захватила Консорт Лин.

Императрица прекрасно понимала: хотя ее положение официально именовалось добровольным затворничеством для раскаяния, на деле это ничем не отличалось от заточения. Былая слава и величие рассыпались прахом, и теперь ей оставалось лишь жалко влачить существование в тихом углу Пурпурного города.

— Ваше Величество, к чему истязать себя так? Вы же Императрица! — нянька Жун опустилась на колени перед ложем, глядя на то, как болезнь изнуряет ее госпожу. Она утирала слёзы рукавом, чувствуя, как сердце пронзает тысяча иголок.

Она была кормилицей императрицы и неотступно следовала за ней с самого ее рождения — вот уже пять десятков лет.

— Ошибся... Всё было ошибкой! Это Матушка-Императрица во всем виновата! — обессиленно хрипела императрица, и под конец её голос скатился до еле слышного шепота. Прежде аккуратная прическа сбилась и растрепалась, а по лицу безудержно текли слезы. Половина ее тела уже свесилась с постели, а рука тянулась вперед — казалось, она пыталась ухватиться за что-то неуловимое.

— Матушка-Императрица, Сяо Яньцзы на Вас не в обиде.

Едва уловимый, призрачный шепот долетел до слуха императрицы.

Силы окончательно оставили ее. С глухим стуком она рухнула на пол, а когда тело перевернулось на спину, дыхание уже замерло, но на лице застыла улыбка облегчения.

В то же самое время в Дали, провинция Юньнань.

После той крупной ссоры с Юнци, когда молодой человек вернулся в столицу, Сяо Яньцзы погрузилась в глубокую тоску. Лекарь диагностировал у нее удушье от подавленных чувств и застой ци. Циньэр и Сяо Цзянь по очереди изощрялись в попытках развеселить девушку, а Сяо Яньцзы, не желая терзать брата и сестру лишними заботами, притворялась веселой, искусно обманывая всех вокруг.

Пока в один из дней она не попала под проливной дождь и не слегла с сильнейшей лихорадкой, превратившейся в неизлечимый недуг. Единственным ее заветным желанием оставалось еще хоть разок повидать Цзывэй, но, увы, дождаться ее приезда она так и не смогла — дыхание Сяо Яньцзы оборвалось.

— Сяо Яньцзы, очнись! Я же Цзывэй, Сяо Яньцзы! — тяжело дыша из-за заметно округлившегося живота, Цзывэй опустилась на колени у изголовья подруги, пока Эркан крепко обнимал ее за плечи, страшась, что от переживаний жена потеряет сознание.

— Холодно... как же холодно... — Цзывэй судорожно сжала руку Сяо Яньцзы, и пронизывающий леденящий холодок всколыхнул в ее душе глухую, острую тоску. Когда уходила ее матушка, ее ладони точно так же медленно остывали.

Нет, не может быть! Сяо Яньцзы еще так молода, она просто заснула.

— Сяо Яньцзы, открой глаза, посмотри на меня! Я Цзывэй! Сяо Яньцзы, ты же пошутила, правда? Как ты могла нарушить слово? Ты ведь обещала защищать меня всю жизнь...

— Сяо Яньцзы, сестрица...

Прекрасное лицо Цзывэй было сплошь залито слезами. А Сяо Яньцзы, безмятежно раскинувшись на постели с плотно сомкнутыми веками, совсем не походила на себя прежнюю,

вечно щебечущую и суетливую; она застыла в тишине, словно спящая царица из западных сказок. Если бы не отсутствие дыхания, можно было бы поклясться, что она просто уснула.

Окружающие в комнате невольно смахивали набежавшие слезы. Не в силах усмирить бушующую в груди ярость, Сяо Яньцзы схватил Юнцзи за шиворот и выволок прямо во двор, раз за разом срывая на нем всю боль и отчаяние. Если бы не Юнцзи, разве Сяо Яньцзы довелось бы пережить такое? Каждый удар кулака, каждый пинок были пропитаны глубочайшей ненавистью и обидой на него.

Юнцзи не сопротивлялся и не пытался дать сдачи. Всепоглощающее чувство безысходности и боли переросло его в пучину самобичевания: он горько раскаивался, что не смог уберечь Сяо Яньцзы, а еще... еще была Синьжун — он предал сразу двух женщин, любивших его всем сердцем.

Императрица наблюдала за разворачивающейся сценой с абсолютным неверием. Оказывается, те дворцовые сплетни не лгали! После собственной смерти её душа отделилась от тела, позволив своими глазами увидеть всё, что произошло в дальнейшем.

Сяо Яньцзы похоронили в Дали; смерть Юнцзи объявили официальной, не удостоив его даже посмертного титула, а Синьжун вместе с Мяньи переехала в особняк Пятого принца за стенами дворца. Узнав о ее кончине, Император не выказал особой скорби — похороны прошли по скромному разряду для обычных наложниц, и лишь верная нянька Жун добровольно последовала за ней в могилу, совершив самосожжение.

Всё должно было быть иначе. Разве она не лишилась телесной оболочки? Почему же сердце продолжало так невыносимо болеть? Под монотонное пение лампадных сутр императрица почувствовала, как тело становится всё невесомее, а сознание постепенно растворяется. Она горько жалела обо всем. Если бы только выпал второй шанс...

Конец ознакомительного фрагмента.

<http://bllate.org/book/22028/2290198>